

Новые тенденции в мировой экономике*

А.И. Бельчук,
доктор экономических наук, профессор, Всероссийская академия
внешней торговли, кафедра мировой и национальной экономики –
профессор

УДК 339.9
ББК 65.5
Б-444

Recent trends in the world economy

A.I. Belchuk,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian Foreign Trade Academy,
Department of World and National Economy - Professor

Главные проблемы, которыми занимается автор: выявление соотношения темпов роста мировой экономики, а также экономики развитых и развивающихся стран за длительные периоды. Это ключевые проблемы, в которых находит своё отражение общий экономический прогресс в мире и соотношение экономических потенциалов и уровней социально-экономического развития отдельных стран и групп стран, что, в конечном счете, является важнейшими характеристиками мирового хозяйства и положения в нём отдельных государств и групп государств. Задача эта весьма сложна методологически и статистически и к тому же требует привлечения и обработки очень большого массива данных. Статистика в большинстве стран мира лишь относительно недавно стала предоставлять удовлетворительный объём информации по необходимым для решения подобных задач показателям.

Вторая фундаментальная проблема методологическая. Каким образом определять уровень социально-экономического развития отдельных стран, а через страновые данные анализировать соответствующие группировки. Только ключевых оценочных показателей можно насчитать десятки. В течение длительных периодов показатели меняются. Практика выдвинула на первое место данные по ВВП на душу населения, хотя в последние годы к ним стали чаще добавлять подсчитывае-

* Мельянцев В.А. Анализ важнейших трендов глобального экономического роста. - М.: МГУ им. М.В.А. Ломоносова. ИД «Ключ-С». 2013. – 40 с.

мый в рамках ООН индекс развития человеческого потенциала (human development index), куда, помимо ВВП на душу населения, включаются продолжительность жизни и показатели по образованию. Однако по мере возвращения в историческое прошлое количество имеющихся статистических данных резко падает, а также приходится менять методологию расчётов и межстрановых сопоставлений. Поэтому в подавляющем большинстве случаев более или менее обоснованные уровни социально-экономического развития начинаются примерно с конца 19го столетия, а прошлые периоды были объектом весьма приблизительных оценок. Только недавно начали появляться количественные оценки прошлого экономического развития. Здесь следует отметить, прежде всего, работы патриарха международной компаративистики американского учёного Мэдисона, а из числа российских учёных – профессора Института стран Азии и Африки МГУ Л.А. Фридмана. Заметный вклад в разработку этой проблематики внес и В.А.Мельянцев, в том числе и в рецензируемой монографии, хотя эти аспекты не являются главными.

При анализе долгосрочных тенденции мирового экономического развития в двадцатом и девятнадцатом столетии автор делает ряд важных выводов, которые отнюдь не являются общепринятыми. Большинство экономистов, я полагаю, знает, что в девятнадцатом веке, и особенно в двадцатом веке, и особенно после второй мировой войны произошло общее ускорение развития мировой экономики и техники по сравнению с прежними длительными периодами, но мне кажется, что степень этого ускорения известна не всем (я, во всяком случае, этого не представлял, покаюсь). Так, по расчётам В.А.Мельянцева, рост мирового ВВП в 20-м столетии ускорился по сравнению с 19-м веком, а после второй мировой войны он увеличился еще более. Ускорение технического прогресса выглядит вообще фантастическим. Автор утверждает, что если удвоение общей суммы знаний в Европе в Средние века происходило в среднем за 50 лет, то в настоящее время она увеличивается в 50 раз за 10 лет.

Последняя цифра меня несколько смущает. Уж очень она грандиозна. Понятно, что речь в данном случае идет не о Европе, а обо всём мире, но результат в решающей степени зависит от выбранных критериев и методологии сопоставлений. Эти критерии вряд ли могут быть сопоставимыми.

Кстати, если вспомнить одно из положений концепции исторического развития Карла Маркса, никакая социально-экономическая формация не уходит с арены истории до тех пор, пока не будет использован весь потенциал её развития. Если согласиться с таким подходом, то капитализму, по приведённым выше данным, ещё предстоит долгая жизнь. Или не будем соглашаться? Ведь Маркс, по мнению многих, безнадежно устарел. Правда, ряд серьёзных учёных и политиков считает, что мировая экономика в настоящее время, примерно после кризиса 2008-2009 гг. вступила в фазу длительною замедления темпов роста. Но мало кто рискует

утверждать, что это будет означать вступление в завершающий период развития рыночной экономики, после которого должен произойти переход к какой-то новой социально-экономической системе, ещё непонятно какой. Очевидно, что для таких фундаментальных выводов данных только по динамике ВВП и объёму приращение знаний явно недостаточно. К тому же, если в одних странах капитализм может «перезреть», то в других он явно «недозрел». Можно ли в этих условиях делать заключения для всего мира?

Весьма интересными являются данные В.А.Мельянцева о некоторых важных процессах, где произошло существенное сближение между развитыми и развивающимися странами. Следует указать на заметное уменьшение разрыва в средней продолжительности жизни между обеими группами государств (с.11) и на общее сокращение темпов прироста населения (с. 17). Однако, если во многих развитых странах, в частности, в Европе и Японии, сокращение естественного прироста населения уже подошло к границе простого воспроизводства или даже упало ниже её, то в большинстве развивающихся государств даже сократившиеся темпы роста населения не приводят к исчезновению демографического пресса перенаселённости, кроме Китая, что особенно важно. Данные процессы широко известны, но их необходимо упомянуть, поскольку без этого картина общего соотношения сил будет неполной.

Вывод о том, что центр мирового экономического динамизма примерно в последние 2-3 десятилетия сместился в страны Азии и частично Латинской Америки, уже делается многими исследователями и международными организациями. В самом деле, уже в течение длительного времени многие развитые и, что самое важное, развивающиеся страны существенно опережали по темпам экономического роста группу развитых стран, и, в конечном счете, это привело к фундаментальному изменению соотношения экономических сил в мире.

Не будем обременять читателя большим количеством цифр, подтверждающих этот вывод. Эти данные широко известны. Достаточно сказать, что в 2014 году развивающиеся страны обошли развитые по общему объёму ВВП, а Китай сравнялся по этому показателю с Соединёнными Штатами. Не вызывает сомнения то, что уже в ближайшие годы Китай существенно обойдёт США по объёму ВВП, а по масштабам экспорта и золотовалютных резервов Китай вышел на первое место в мире ещё раньше. По общему объёму промышленного производства в 2014 году Китай превзошёл США, Германию, Японию и Индию, вместе взятых (с.40).

В группу быстроразвивающихся стран, помимо Китая и «азиатских пиров» первой и второй волны (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия и др.), в последнее десятилетие также вошли такие страны-гиганты, как Индия и Бразилия.

Автор констатирует, что за 1980 - 2013 гг. доля развивающихся стран в общем притоке прямых иностранных капиталовложений выросла в 3-4 раза и в полтора раза мировом экспорте товаров и услуг. Таким образом, феномен опережающего развития по сравнению с другими группами стран, и прежде всего группой развитых государств, уже относится к широкой части бывшего «третьего мира», хотя и далеко не ко всем.

Мельянцев В.А. приводит такие обобщающие, весьма красноречивые цифры. За 1980 - 2013 гг. доля развивающихся стран в общих прямых иностранных капиталовложениях увеличилась в 3-4 раза, а мировом экспорте товаров и услуг в полтора раза, на развивающиеся страны и переходные экономики приходится более 1/3 расходов на НИОКР свыше 2/3 заявок на патенты. 3/5 мирового промышленного производства и 2/3 капиталовложений в основной капитал.

Но главное в монографии, на наш взгляд, не столько констатация этих обобщающих красноречивых данных, свидетельствующих о фундаментальных изменениях в мировой экономике, они, в общем, известны для специалистов, хотя и не всегда осознаны ими, сколько попытка заглянуть в будущее. Ведь если эти тенденции принципиально изменятся (всё когда то меняемся) или существенно замедлятся, ситуация будет одна, а если они продолжатся ещё одно-два десятилетия – совершенно другая. В.А.Мельянцев пытается проанализировать основные факторы, определяющие направление развития. Автор не только констатирует уже сложившееся положение, но и пытается дать долгосрочный прогноз будущих тенденций развития мирового хозяйства.

Вызывает некоторое удивление тот факт, что достижение Китаем уровня США по общему объёму ВВП в 2014 году прошло как-то незаметно в мировых СМИ. О нём, конечно, сообщалось, но весьма скромно, не в соответствии со значимостью события. Ведь оно символизировало важный этап в кардинальном изменении положения в мировой таблице рангов. Случись у нас нечто подобное в эпоху Хрущева или Брежнева, шум в СССР о «победе социализма» был бы несусветным. Очевидно, на Западе сочли невыгодным привлекать внимание к подобным явлениям, ведь китайский феномен ставит под вопрос одну из основополагающих догм западной (и не только западной!) науки об окончательном поражении «социализма в борьбе с капитализмом» после распада СССР. Правда, китайская модель социализма, а китайское руководство не устаёт напоминать, что китайская система социалистическая, весьма сильно отличается от советской модели, но отличий от модели либерального капитализма ещё больше. Сами же китайцы в принципе стараются вести себя «скромно» и не любят активно хвастаться перед иностранцами своими достижениями, по-видимому, не желая вызывать среди своих конкурентов опасения из-за растущей мощи Китая. Так, главная цель развития, сформулирован-

ная в программе КПК: создание «общества средней достаточности» до середины 21 столетия, выйдет очень умеренной в нынешних условиях.

Следует учитывать, что китайское экономическое развитие весьма ресурсоёмко. В отличие от развитых государств, прежде всего англосаксонских стран, где доминирует финансовый капитал, сфера услуг вообще, оно в первую очередь связано с материальным производством и в меньшей степени со сферой услуг. Значительную часть ресурсов сырья, топлива и продовольствия Китай можем получить только в других странах, а там наиболее выгодные «места за столом» уже заняты. Конечно, рыночная конкуренция – главное средство борьбы за «место под солнцем», но не всегда. Конфликтный потенциал растёт, растёт и зависть.

Таким образом, автор не делает окончательного вывода о том, какая группа факторов будет, безусловно, доминировать в дальнейшем достаточно длительном периоде: тех, которые способствовали существенному опережающему экономическому развитию «возвышающихся экономик» или мы вправе ожидать ренессанса развитого мира, или хотя бы существенного замедления экономической экспансии возвышающихся экономик, что позволило бы, по крайней мере, отложить вывод об «упадке Запада»? Анализ внешне идёт в рамках нередкого осторожного подхода типа «с одной стороны» и «с другой стороны» без категорического вывода в пользу одной из сторон, что позволяет избежать крупных ошибок при общих выводах, но за счёт уменьшения весомости самих выводов. Однако при оценке анализа Мельянцева В.А. выделенных факторов складывается впечатление, что ожидать радикального изменения сложившейся картины развития не следует, по крайней мере, в течение обозримого времени.

Отсюда следует ряд важных выводов.

Первый из них: усиление тенденций к экономической многополярности мира делает возврат к однополярному миру невозможным.

Второй: экономическое возвышение прежних аутсайдеров повлечёт за собой соответствующее перераспределение сил в политической, идеологической и военной сферах, хотя и с опозданием, каким сейчас трудно сказать.

Третий: усиление противодействия этим процессам со стороны Запада неизбежно, что будет означать рост конфликтности мирового развития, что уже происходит. Раньше подобные процессы всегда приводили к большим катаклизмам.

Тщательно вычёркиваемый ныне из интеллектуальной истории человечества В.И. Ленин в своё время выдвинул закон неравномерности развития различных стран и неизбежности попыток передела мира в соответствии с новым соотношением сил. История 20-го и 19-го веков в целом укладывается в эту схему. А как будет в дальнейшем? Неужели новые глобальные столкновения неизбежны? Печальный вывод для судеб мира, в условиях истребительной мощи ядерного оружия. А оно обязательно будет применено в случае глобального конфликта. Даже

без такового шанса его применения довольно высоки, учитывая, какое количество фанатиков и психов, в конечном счете, могут добраться до ядерной кнопки. Или люди всё же поумнели перед перспективой глобального уничтожения и изобретут какие-то другие способы разрешения противоречий?

Трудно сказать. С одной стороны, признаков поумнения человечества что-то не наблюдается. Скорее наоборот. Разработка эффективных механизмов воздействия на сознание людей с помощью новых технических информационных средств резко расширила возможности манипулирования поведением людей, которых не было раньше. Поражает, в каких масштабах стало возможным убеждать население действовать против собственных интересов и против здравого смысла, несмотря на огромное расширение возможностей получения информации для большинства людей. В частности, успех многих «цветных революций» демонстрирует это со всей очевидностью. По-видимому, необозримость информации стала в современных условиях не меньшим препятствием для понимания сущности процессов в обществе, чем её дефицит.

С другой стороны, после второй мировой войны и атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки нового глобального столкновения всё же не произошло, несмотря на холодную войну между «социализмом и капитализмом», временами принимавшую очень резкие формы. Критика решения властей США сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки в тот момент, когда военной необходимости в этом уже не было, справедлива, но смог бы мир удержаться от использования ядерного оружия вот уже в течение шести десятков лет без наглядной демонстрации ужасающих последствий его первого же применения. Я лично сомневаюсь в этом. Может быть, бомбардировка Хиросимы и Нагасаки – это искупительная жертва Японии как средство «вразумления» человечества за страдания, причинённые японской агрессией другим народам в ходе второй мировой войны?

Но в любом случае пересмотр сложившегося миропорядка неизбежен, и как он будет проходить и какими темпами пока не ясно.

Однако В.А. Мельянец привлекает внимание к тем фактам, которые свидетельствуют, что наступление бывшего третьего мира на позиции Запада ещё наталкивается на ряд его системных слабостей. Примерно 2/3 развивающихся стран ещё не встали на путь догоняющего развития, а 30-40 из них вообще относятся к категории так называемых *tailed states*, «несостоявшихся государств». Истощение природных ресурсов и загрязнение окружающей среды сильнее негативно сказываются на развивающихся странах, чем на развитых. Накопленный финансовый, интеллектуальный потенциал, преимущества в качестве рабочей силы, наконец, преобладание в военной мощи и ряд других факторов ещё долго будут давать Западу преимущество в конкуренции с остальным миром, так что ожидать полной сдачи Западом своих позиций уже в ближайшем будущем не следует.

Развитие мировой экономики в последнем периоде истории, несмотря на его общее ускорение, было неразрывно связано с ростом его неустойчивости и социального неравенства из-за налоговых реформ в большинстве развитых стран, сопровождавшихся уменьшением налогового бремени для богатых, т.е. ослаблением уравнивающей функции налогообложения, ослаблением позиций профсоюзов, размыванием «третьего класса» – главной надежды либералов на социальный прогресс. Автор достаточно подробно останавливается на характеристике данных процессов на сс. 22-23. Похоже на то, что распад Советского Союза существенно уменьшил опасения предпринимательского класса относительно негативных для него последствий социальных конфликтов в странах Запада, и он перешёл в наступление по позиции наёмных работников. Падение жизненного уровня большинства населения в этих странах отмечается почти повсеместно.

Примечательно ещё одно положение, которое выдвигается В.А.Мельянцевым, когда он рекомендует меры, которые будут способствовать экономическому прогрессу развивающихся государств. Речь идёт о допустимости политики протекционизма со стороны отставших стран.

Автор не уделяет этому вопросу большое внимание, но его позиция однозначная: определённый протекционизм для отставших стран необходим, чтобы догнать более развитых конкурентов. Концепция необходимости максимально возможного либерализма во внешнеэкономических отношениях, т.е. уменьшения препятствий во внешних связях, стала почти религией в подавляющей части экономистов, прежде всего западных. Аналогичные позиции занимает и большинство международных организаций. Конечно, «роковой» вопрос, а что же делать отставшим странам при полной или почти полной невозможности защитить свой рынок, введя какие-то ограничения для внешних конкурентов, не исчез. Ведь при полной свободе конкуренции выигрывает сильнейший, а компании отставших стран в подавляющем большинстве случаев к ним не относятся.

Сторонники максимальной экономической свободы обычно указывают на такие спасительные рецепты, как привлечение иностранного капитала и технологий, а также на возможность для отставших стран пользоваться льготным режимом во внешнеэкономических отношениях в переходном периоде. Но практика подсказывает, что серьёзных и длительных льгот отставшие, как правило, не получают, а приток иностранных инвестиций, будучи в целом несомненно полезным, основных проблем развития решить не могут и к тому же неизбежно порождают ряд серьёзных негативных аспектов. Безусловные плюсы для принимающей страны возникают в том случае, когда в странах-импортёрах происходит натурализация иностранных капиталов, т.е. когда иностранный собственник капитала переселяется в новую для него страну и начинает превращаться в её гражданина, с которой

он связывает свою жизнь и судьбу. Так было во многих случаях в США, Канаде, других британских доминионах, но так бывает далеко не всегда.

Абсолютное доминирование идеологии фритредерства, используем этот термин из арсенала 19 столетия, приводит к тому, что любые попытки ввести даже ограниченные защитные меры от внешней конкуренции в любых странах встречают массированные атаки защитников свободы торговли, другую сторону в дремучей отсталости. Но если вспомнить историю, то даже самые ярые защитники экономического либерализма, например, в Англии и США были сторонниками протекционизма для тех отраслей и производств, где и пока собственные предприятия не достигли уровня международной конкурентоспособности.

Для России это до сих пор болезненный вопрос, поскольку в ходе своей рыночной революции мы серьёзно ослабили многие важные отрасли своей обрабатывающей промышленности, особенно машиностроения, и невозможность ввести существенные защитительные меры в связи с присоединением к ВТО тормозит наше развитие.

